

ХОХЛОМСКАЯ РОСПИСЬ — один из символов русской идентичности наравне с дымковской игрушкой, павловопосадскими платками, Палехом, Гжелью и Жостово. Мы говорим "Хохлома" и подразумеваем — Россия. Цветы и птицы, ягоды и листья — всё это сплетено в единый красочный узор. Это настоящий вихрь эмоций, когда золотое созвучно с красным и возникает волшебный ритм, уводящий в сказку. Хохломская роспись как феномен возникла в XVII веке, и её появление до конца не изучено искусствоведами — всё теряется в глубинах истории. Есть даже мнение, что первые опыты связаны со старообрядцами, укрывшимися в тех местах: Нижегородские края, Волга, просторы, от царей далече — к Богу ближе. Расписывали ковши и ложки не в самой Хохломе — в это село свозили готовый товар. Художества развивались в окрестных деревнях. Название далеко не всегда соответствует реалиям. Примечательно, что созвучие красного и золотого цветов на глубоком чёрном фоне, а также лихо закрученные виньетки стали основой для общеевропейского барокко, сформировавшихся в то же время. Человечество всегда мыслит в едином направлении!

Мастерица за работой. 1930-е гг.

В XVIII–XIX столетиях искусство оттачивалось безвестными мастерами, переходя из поколения в поколение. Хохломские вещицы распространялись по стране, делаясь всё более знаменитыми. В 1853 году хохлому представили на Всероссийской промышленной выставке в Москве, а позднее в Петербурге и Нижнем Новгороде. Однако подлин-

ный триумф ждал те братины и блюда в 1889 году на Международной выставке в Париже. Это было поистине грандиозное событие — все цивилизованные страны демонстрировали свою передовую технику, текстиль, изделия из драгоценных камней, образ жизни и промыслы. С этого момента начался экспорт хохломских предметов в страны Европы и в США. Это совпало с возникновением неорусского стиля, когда особняки стали оформляться как терема, а на аристократических балах дамы плыли лебедушками в сарафанах и кокошниках. Всё старорусское почиталось модным.

Итак, в Музее декоративного искусства проходит интереснейшая выставка "Шик, блеск, Хохлома", дающая представление об этом промысле в XX–XXI веках. Как развивалось творчество? Какими путями шло? Как из-

Нас встречает инсталляция, посвящённая Всемирной Парижской выставке 1925 года. Собственно, это был смотр декоративного искусства и художественной промышленности. Советскую делегацию ждали с особым трепетом — всех заботило, что же привезут большевики. Одних волновал социальный эксперимент, проводившийся в России, другие — злопыхали, третьи — побавались. Равнодушных не наблюдалось. Нашу экспозицию хохломы и других национальных промыслов оформлял Александр Родченко — выдающийся фотограф, художник и дизайнер помещений.

Специально для Парижа были созданы уникальные хохломские предметы — старинные формы плюс большевистская символика. Таким образом, серп и молот, пятиконечная звезда,

хохломской росписи. Бурно жил товарищ Матвеев! После революции он сделался главным хранителем и гуру хохломы. На выставке представлены его эскизы цветов, птиц, виньеток, а кроме того — фотография, где он запечатлён со своей талантливой ученицей Лидией Антоновой, чьи "рябины" и "калины" также представлены на стендах. Матвеев прожил очень долгую жизнь и скончался в начале 1960-х, до конца дней оставаясь верным хохломскому чуду.

СПЕРВЫХ ДНЕЙ Великой Отечественной войны предприятия выпускали деревянную продукцию для фронта: лыжи, санки, лопаты, приклады к автоматам. Вместе с Победой пришли закономерные перемены — отныне актуален Большой стиль, то есть триумфальный сплав ампира и барок-

на их месте создавать модернизированные производства. Несмотря на то, что хохлому поставили на поток, она не утратила своих чудесных качеств.

Вторая половина 1950-х — в обществе наметилась очередная смена парадигмы. Все боролось с архитектурно-художественными излишествами. Дома с лепниной, колонны и помпезная мозаика станций метро, витиеватые шрифты — всё подвергалось критике и осмеянию. С одной стороны, это была своеобразная месть Никиты Хрущёва, который ненавидел всё, что связано со сталинским наследием, а с другой — это совпало с общемировым трендом на минимализм. Лаконичность, геометризм, простота — вот обязательные условия отчётливой манеры. Коснулось это и хохломской росписи. Перед нами — блюдо "Рыбки" работы Зои Архиповой. Никаких "бесполезных" деталей, а рыбки — всего лишь силуэт. Столь же лапидарно выполнено панно Екатерины Доспаловой — изящные красно-чёрные сплохи на золотом фоне.

В 1960-х хохломские изделия стали использоваться для декорирования квартир — современная меблировка была безыскусной, поэтому требовались яркие детали. Началось производство детской мебели. Вот столик и стул, созданные для малышей, — всё в духе 1960-х: тонкие, конусообразные ножки, а столешница расписана цветами и травами.

В 1970-х опять изменились предпочтения. Фуризм космической эры уступил место ретро-тематике. Явилась целая плеяда писателей "деревенщиков", воспевавших дедовские обычаи. В моде — павловопосадские платки, блузы и платья в рустикальном стиле, дублёнки. В антикварных магазинах — спрос на старину, а народные промыслы как никогда популярны.

Хохлома усложняет роспись: буйные виньетки, россыпь потрясающих цветов, созвучие трав и листьев. Всё максимально закручено. Тому пример — панно "Птица", где хвост птицы больше напоминает веер. Здесь же — тумбочка, расписанная так богато, что невозможно разглядеть отдельные фрагменты.

Упадок отрасли пришёлся на 1990-е годы, а потом — медленное возрождение. На выставке имеются и современные варианты, созданные в коллаборации бренда "Хохлома" с модельером и дизайнером Алёной Ахмадуллиной. Она придумала удивительную коллекцию одежды, мебели, игрушек и ювелирных украшений. Ахмадуллина и до этого в своих произведениях использовала сказочные сюжеты и фольклорные мотивы. В союзе с хохломским производством ей удалось соединить травные орнаменты с современным прочтением. Так появилась линейка с выразительными узорами и по-новому поданными мотивами райских птиц, сказочных рыб, цветов и ягод.

Экспозиция информативна, обширна и собрана с любовью. Каждый раздел сопровождают пояснительные стенды. Курс — на погружение в мир хохломской росписи. И всё тут сочно, весело, свежо. Чудо чудное — диво дивное. Неувядающая и вечно юная хохлома!

Галина ИВАНКИНА

КОГДА МЫ, русские, да и все носители русского языка, в своей речи или в своих мыслях обращаемся к такому понятию, как "словарь", при этом, как правило, незримо присутствуют и в разной мере оживают для нас имена Владимира Даля, Дмитрия Ушакова и Сергея Ожегова. Среди них имя Сергея Ивановича Ожегова (22 сентября 1900 г. — 15 декабря 1964 г.) — чаще и явственнее всего.

Конечно, жизнь каждого человека неизмеримо богаче любой его биографии. Но — удивительное дело — соответствующий том в серии "ЖЗЛ" до сих пор не вышел и даже не написан, то есть жизненный путь учёного ещё не нашёл своего внимательного исследователя и, как правило, обозначается очень скупым пунктиром, из которого хорошо известно, что создатель уникального однотомного "Толкового словаря русского языка" родился в посёлке Каменное (ныне город Кувшиново) Тверской губернии в семье Ожеговых: выходец из уральских "заводских" крестьян (откуда, видимо, и пошла фамилия: "ожегом" называлась палка, которую использовали для определения температуры расплавленного металла) Ивана Ивановича, работавшего тогда инженером-технологом на местной картонно-бумажной фабрике, и Александры Фёдоровны (урождённой Дежоской, приехавшейся внучатой племянницей протоиерею Герасиму Петровичу Павскому). Перед

даний, по сей день не потеряла своей актуальности и остаётся в своём роде непревзойдённым примером и образцом русской культуры. Сделанное им особенно наглядно, если сопоставить ожеговский словарь с четырёхтомным "Толковым словарём живого великорусского языка" Владимира Ивановича Даля (1863–1866 гг.) и четырёхтомным же "Толковым словарём русского языка", вышедшим в 1935–1940 годы под редакцией учителя Ожегова Дмитрия Николаевича Ушакова ("Словарём Ушакова") и с активным непосредственным участием самого Сергея Ивановича, которого в научных кругах по праву называли "Движителем" группы создателей этого словаря, в число которых входили такие выдающиеся филологи, как Виктор Владимирович Виноградов, Григорий Осипович Винокур, Борис Александрович Ларин, Борис Викторович Томашевский. Из других его прозвищ того времени примечательно "Талейран" — по имени знаменитого французского политика и дипломата конца XVIII — начала XIX века, — данное Сергею Ивановичу за умение улаживать любые конфликты, при этом твёрдо отстаивая интересы дела, а вовсе не за следование талейрановскому аморализму и беспринципности ("Язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли", "Я так богат, потому что продавал всех, кто меня покупал" и т. д.). Конфликтов же таких было

СЛОВАРЬ ПОБЕДЫ

К 125-летию Сергея Ожегова

революцией семья переехала в Петроград, где Сергей закончил гимназию и поступил на филологический факультет Петроградского университета, но был призван в армию. По своим политическим взглядам он был близок к эсерам, однако с 1918-го по 1922-й сражался на фронтах Гражданской войны в рядах Красной Армии, и демобилизовался с военной службы из штаба Харьковского военного округа, после чего возобновил учёбу в Северной столице. Знаменитые филологи Виктор Владимирович Виноградов и Лев Владимирович Щерба дали ему рекомендации в аспирантуру для дальнейших занятий научной деятельностью. И всё, как будто живой человек далее утонул, растворился в том деле, которым занимался, — в стихии русского языка.

НАШЕЙ филологической среде весьма распространено мнение о том, что любой словарь является памятником своей эпохи и своей эпохе. Позволю себе несколько иное и, как представляется, более соответствующее действительности определение: это не столько памятник, сколько живой портрет русского языка, в случае ожеговского словаря состоящий из множества (в первом издании 1949 года их было около 50 тысяч, в последнем пока издании 2025 года — уже около 100 тысяч) "точек"-слов, каждое из которых сияет собственным светом, с различными спектральными оттенками словообразования, словоизменения и словосочетания, а все вместе они оказываются соотнесены (сошлёмся здесь на известное высказывание Иммануила Канта) не только со звёздным небом над нашей головой, но и с моральным законом внутри нас.

Ожегов сумел так отобрать эти "точки"-слова и так определить пространство их значений и употреблений, таким образом создать "портрет русского языка", оптимально сочетающий в себе вроде бы противоположные качества академической полноты и практической краткости, что эта его работа, выдержавшая за 70 с лишним лет около сорока из-

предостаточно: его авторов обвиняли во вредительстве, наличии половой и мешанской идеологии, даже в контрреволюционности. Некоторые участники работы над "Словарём Ушакова" — как, например, В.В. Виноградов — даже побывали в ссылке. Однако этот словарь не только был завершён, но и стал одним из бесспорных, знаковых достижений русской филологии советского периода. Его авторы действительно сделали всё, чтобы их работа служила в первую очередь интересам русского языка, а не текущей политической конъюнктуры. И после кончины Д.Н. Ушакова в 1942 году С.И. Ожегов не только достойно продолжил его дело, но и вывел на более высокий качественный уровень.

Когда-то А.П. Чехов сказал, что искусство писать — это прежде всего искусство сокращать написанное. Но словарь Ожегова — это вовсе не упрощённый и сокращённый словарь Ушакова. Это самостоятельный шедевр не только филологической науки, но и искусства словесности, продукт их синтеза. Давно стало общим местом утверждение о том, что все мы говорим и пишем по-русски на языке Пушкина. Но, наверное, ничуть не в меньшей мере мы говорим и пишем на языке Ожегова, в котором нашли своё отражение как реформы русского правописания 1918-го и 1956-го годов, так и многие изменения в лексике, в нормах произношения и употребления слов.

Можно сказать, что словарь Ожегова — это во многом точка фиксации новой роли русского языка после Победы 1945 года как одного из мировых языков, как "языка Победы". Точно так же, как словарь Даля стал точкой фиксации русского языка как общенародного, а словарь Ушакова — как языка советского государства и международного общения в нём после революции и Гражданской войны. И видится какая-то высшая справедливость в том, что сам Сергей Иванович стал свидетелем нашего прорыва и в атомную эру (выход в свет "Толкового словаря русского языка" пришёлся как раз на год испытания первой советской ядерной бомбы),

и в космос. Эти события тоже нашли отражение в его словаре (приведу здесь примеры некоторых соответствующих словарных статей): "Космонавтика, -и, ж. Теория и практика полётов в космос"; "Спутник, -а, м. 1. Тот, кто совершает путь вместе с кем-либо. Весёлый с. С. жизни (перен.: о муже). 2. перен. То, что сопутствует чему-либо, появляется вместе с чем-либо. Улыбка — с. хорошего настроения. 3. Небесное тело, обращающееся вокруг планеты. Луна — с. Земли. 4. Космический аппарат, запускаемый на околопланетную, окололунную или гелиоцентрическую орбиту с помощью ракетных устройств. Искусственный с. Земли (Луны, Венеры, Марса). Искусственный с. Солнца. 5. Город-спутник — город, соседствующий с большим городом и связанный с ним тесными производственными, хозяйственными и культурными отношениями. II ж. спутница, -ы (к 1 знач.). С. жизни (перен.: о жене). II прил. спутниковый, -ая, -ое (к 4 знач.; спец.). Спутниковая радиосвязь. Спутниковая метеорология"; "Термоядерный, -ая, -ое. Относящийся к ядерным реакциям при сверхвысоких температурах. Термоядерная установка. Термоядерное оружие. Термоядерное топливо. Термоядерная реакция (реакция слияния атомных ядер лёгких элементов, протекающая при сверхвысоких температурах и сопровождающаяся огромным выделением энергии)".

ВЕСНОЙ 1964 ГОДА в письме издательству "Советская энциклопедия" С.И. Ожегов сообщил, что считает нецелесообразным дальнейшее издание своего словаря стереотипным способом: "Я считаю необходимым подготовить новое, переработанное издание. Предполагаю внести ряд усовершенствований в Словарь, включить новую лексику, вошедшую за последние годы в русский язык, расширить фразеологию, пересмотреть определения слов, получивших новые оттенки значения, усилить нормативную сторону Словаря". То есть акцент в дальнейшей работе Ожегов предполагал сделать на достижении некоего соответ-

ствия, гармонии между постоянными, непрерывными, стихийными изменениями живого разговорного языка и стабилизирующей его литературных норм. К сожалению, в настоящее время такой баланс не только отсутствует на практике, но и не ставится как цель — мировое присутствие русского языка в результате "перестройки" и "рыночных реформ" не только существенно сократилось (по данным А. Арефьева, за 1990–2022 годы по числу носителей он сместился с 6-го на 10-е место в мире; если в 1990 году на нём говорило 5,9% населения мира, то сейчас — только 2,8%, в абсолютных цифрах это, соответственно, 312 и 222 млн человек), но и размывается, растворяется его нормативная база. Возникает, по аналогии с "пиджин-инглиш", некий "пиджин-рашн", к тому же перенасыщенный неологизмами на иноязычной, прежде всего английской, основе, — закономерное следствие более чем тридцатилетнего "встраивания в мировую цивилизацию" и "примата общечеловеческих ценностей".

И если время жизни и творчества Сергея Ивановича Ожегова практически точно совпадает с эпохой взлёта русской цивилизации, то сейчас мы являемся свидетелями её упадка и попыток вернуться на утерянную траекторию развития, важным ориентиром которой продолжает оставаться ожеговское наследие, включающее в себя не только его вершинный "Толковый словарь русского языка", но и такие работы, как "Орфографический словарь русского языка" (1956 г., 1963 г.), "Русское литературное произношение и ударение" (1955 г.), "Правильность русской речи" (1962 г.), а также многие другие. Это не только и не столько памятник нашему великому прошлому, которое, по историческим и языковым меркам, только что было нашим настоящим, — это ещё и ориентир, маяк на пути к нашему будущему.

Владимир ВИННИКОВ

На фото: Сергей Иванович Ожегов на Рижском взморье. 1962 г.

